

6

С разных точек зрения

Нужно ли
оглядываться назад?

НУЖНО ЛИ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ НАЗАД?

К осмыслению исторических, институциональных и интеллектуальных предпосылок экономической науки

В заседании "круглого стола" принимали участие: В.С. Автономов, член-корреспондент РАН, заведующий отделом ИМЭМО РАН, профессор ГУ ВШЭ; О.И. Ананьин, заведующий сектором ИЭ РАН, заведующий кафедрой ГУ ВШЭ; Я.И. Кузьминов, ректор ГУ ВШЭ; Н.А. Макашева, заведующий отделом ИНИОН РАН, профессор ГУ ВШЭ; А.Н. Олейник, доцент ГУ ВШЭ.

В.С. Автономов.

Возрожденный альманах "Истоки" призван уделять особое внимание гуманитарным аспектам экономического знания. Замечательно, что наши экономисты приобщаются к мировому научному сообществу, учатся говорить с ним на одном языке, т.е. на языке неоклассической теории. Однако существует опасность чрезмерного увлечения техникой анализа в ущерб экономической интуиции студентов. История экономической мысли тем и хороша, что работает на развитие такой интуиции.

К истории экономической мысли есть два подхода - логицистский и историцистский. Грубо говоря - это история

идей и история людей, причем не только авторов, но и современников данного автора, история их времени.

Итак, первая парадигма истории экономической мысли - *логицистская*. Это некий кумулятивный подход, описание сквозного развития идей, когда знания накапливаются постепенно: чем позже живет данный мыслитель, тем больше, соответственно, он знает, ибо прибавил что-то новое к достижениям своих предшественников. Это подход, подчеркивающий прогресс в экономическом знании. Конечно, этот прогресс может быть зафиксирован только на уровне техники анализа. К произведениям такого рода относятся хорошо нам известные учебники М. Блауга и Т. Негиши. Первым пытался написать историю чистого экономического анализа И. Шумпетер, но получившийся в результате шедевр, хотя и был назван "Историей экономического анализа", оказался намного шире поставленной цели и содержал массу чисто исторических сведений.

Второй подход - *историцистский*, контекстуальный, подчеркивающий влияние среды в самом широком смысле, историческую неповторимость, несравнимость, здесь отсутствует прогресс, сквозное развитие идей, выделяется историческая специфика, в рамках которой выдающиеся экономисты всех времен конгениальны.

Приведу сравнение из области музыки. Первый подход - это когда произведе-

дения, написанные для разных инструментов - скрипки, рояля и т. д., - играют только на синтезаторе, скажем, в одном регистре синтезатора. При этом пропадает нечто важное, пропадает тембр звучания инструментов. Второй подход - историцистский - это аутентичное исполнение, когда, скажем, произведение, написанное в XVIII в., исполнитель обязан играть на скрипке XVIII в. и с такими же приемами, какими играли тогда. Поклонники и любители могут быть и у первого и у второго стиля, но ясно, что тот и другой подходы, естественно, ограничены.

Названные подходы имеют отношение не только к истории мысли, но и к подходу к экономическим явлениям в целом. В частности, историцизм в широком смысле предполагает интерес к методологии, допустимость каких-то плюралистических толкований экономических явлений, гуманитарный характер экономической науки. Логицистский же подход в широком опять-таки смысле ориентируется на математическую модель, не на естественнонаучную, как иногда считают, а именно на математико-логическую. Как показал один интересный эксперимент, физики гораздо больше, чем экономисты, оперируют интуицией и меньше - строгими математическими моделями. Если подводить итоги, то выяснится, что логицистский подход объясняет все то, что в экономике описывается рациональной логикой, экономически рациональным поведением, т. е. максимизацией целевой функции при данных ограничениях. И соответственно историцистский подход выдвигает на первый план то, что выходит в экономической жизни за пределы логики экономической рациональности.

Если говорить о том, в каких исторических ситуациях лучше ориен-

тироваться на тот или другой подход, то логицистский подход создает картину просто, логично, гармонично устроенного мира. И когда экономика в общем работает в нормальном режиме, находится в порядке, он имеет некоторое преимущество по сравнению с альтернативным подходом. А интерес к исторически-институционалистскому подходу растет тогда, когда что-то резко меняется, когда нарушается непрерывность, когда природа делает прыжки, скачки, как говорил А. Маршалл.

Действительность 1930-х годов и кейнсианская революция на Западе - это пример такого скачка. И, казалось бы, мы сейчас в России переживаем ситуацию, которая располагает к развитию такого институционалистского подхода. Но наш институционализм пока не прижился, и интересно разобраться, почему.

Я выдвину только одно, может быть, не самое существенное объяснение. Как правило, институционализм - это некий бунт против логицистской ортодоксии, которая в большинстве случаев является доминирующей. Но наша ортодоксия - школьный или догматический марксизм, к которому мы привыкли, - как раз была не логицистской, она была в значительной степени иррациональной и болтливой. И поэтому отталкивание от нее как бы влекло нас к западному основному течению экономики, более логичному, более лаконичному, более научному на вид. На стороне же институционалистского, исторического подхода у нас часто выступают либо сторонники русского своеобразия, не слишком четко объясняющие, в чем оно заключается, либо те, кто просто не может освоить соответствующих математических приемов и из соображений самосохранения выбирает что-то такое, что ему кажется (может быть, без должных оснований) попроще.

Эта ситуация, видимо, нас не должна устраивать, потому что при таком выборе мы вряд ли поймем нашу теперешнюю экономику: поскольку и резкое подчеркивание рациональной логики, и выпячивание русской самобытности - это, в значительной мере, тупиковые пути. Следовательно, нужен какой-то синтез.

В итоге хотелось бы сказать, что исторический подход, историцизм должен выжить (может быть, и благодаря усилиям, которые мы будем прилагать в нашем альманахе), хотя бы потому, что, во-первых, он позволяет очертить границы и область допустимого применения логической теории, а во-вторых, он помогает ранжировать по степени важности различные проблемы, которые есть в экономической теории.

В этом отношении очень любопытен пример Маршалла, который, как известно, будучи замечательным математиком, очень хорошо видел опасность увлечения инструментарием и, в частности, сказал, что при выдвигании математических методов исследования на первый план очень легко спутать истинную иерархию явлений и расположить их не в порядке важности, а в порядке решаемости. История экономической мысли богата такого рода примерами.

О.И. Ананьев.

На этом принципе строится значительная часть научных публикаций на Западе, в том числе в самых престижных экономических журналах. Вот характерный пример: в одном из таких журналов, чикагском "Журнале политической экономики", в конце 1995 г. была опубликована статья, отвечающая всем современным стандартам научной статьи. Есть в ней и тео-

ретическая модель, и таблицы с эмпирическими данными, и анализ этих данных с помощью модели, и выводы. О чем же статья и каковы выводы? Статья называется "Экономика полигамии: женская производительность и спрос на жен в Кот-д'Ивуаре". Главные выводы сводятся к следующему: 1) более богатые мужчины имеют больше жен; 2) состоятельные мужчины, имеющие более прибыльные хозяйства, имеют больше жен; 3) мужчины относительно более высокого роста имеют больше жен. Думаю, что комментарии излишни.

В.С. Автономов. Если взять, скажем, теорию потребительского выбора, то большая часть эволюции этой теории сводилась именно к тому, как элегантнее, проще, с меньшим числом предпосылок доказать то, что при росте цены величина спроса падает. Вряд ли важность этой проблемы такова, что она заслуживала того объема интеллектуальных усилий, который был затрачен на ее решение.

Что такое философско-методологическая компонента экономического знания?

О.И. Ананьев. Зачем в рамках экономической науки и экономического образования нужна та область, о которой мы сегодня говорим? Сфера историко-экономическая, экономико-институциональная, экономико-социологическая, да и методологическая, скорее философско-методологическая. Традиционно она всегда служила вместилищем общей культуры профессии. Эта функция, безусловно, сохраняется. Но сегодня к этому делу не сводится. Современные тенденции в развитии экономической

науки требуют переосмысления привычных представлений о самой структуре знания.

Обычный взгляд на научное знание делит его на *теоретическое* и *эмпирическое*. Это позитивистская традиция. Позитивизм в философии науки стремился вытеснить из науки то, что можно назвать философским началом. Несмотря на то что экономическая наука, как и многие другие, выделилась из философии и на протяжении большей части своей истории развивалась в ее рамках. Такое положение было нормой во времена Дж. С. Милля и сохранялось, по крайней мере, до Кейнса. Кейнс мыслил себя скорее философом, чем профессиональным экономистом, в смысле позитивистской науки. Поворот произошел в послевоенный период. Экономическая наука стала позитивистской наукой. На передний план вышло соотношение теоретического и эмпирического знаний. Однако подобное представление о структуре научного знания оказалось недостаточным. Актуализировалась проблема предпосылок теории. Методологические исследования трех последних десятилетий показали ключевую роль таких компонентов знания, как научные парадигмы, исследовательские программы и т. п., - того, что обеспечивает общее видение проблемной или предметной области. Фактически это было признанием того, что в рамках всякой науки существует мощная и неустранимая философская или онтологическая компонента. Таков главный урок этих методологических дискуссий.

Здесь я попутно хочу поддержать высказанную идею, что в рамках современной неоклассической традиции есть как бы два теоретических начала. Есть начало, которое выходит на статистику

и эконометрику. Это собственно позитивистское начало. Но есть и другое начало, которое тоже называется экономической теорией и которое ориентируется, как говорил В.С. Автономов, на математику. Мне кажется, что это второе начало характеризовать как позитивистское просто неверно, в нем никакого позитивизма нет. По своему действительному методологическому статусу - это абстрактная экономическая теория чисто логического (т.е. априорного) типа. Соответственно это не более чем мысленные эксперименты, проводимые в рамках философской компоненты знания. Это отработка понятий философского (онтологического) уровня, характеризующих область экономической науки, но отнюдь не сама экономическая теория в позитивистском смысле этого слова. Возьмем понятие экономического равновесия, как оно представлено в классической школе у Маркса, у Кейнса, в современной неоклассике. Хотя сегодня в этой области разработаны весьма сложные математические модели, их позитивное значение состоит именно в отработке понятия экономического равновесия.

Роль философской или онтологической компоненты как предпосылочной для формирования теории и теоретической интерпретации эмпирических знаний уже получила определенное признание. Гораздо меньше осознана еще одна сторона дела. Чтобы современную позитивистскую теорию применить к какому-либо прикладным задачам, ее нужно осмыслить, т. е. определить, к чему она относится, каковы границы ее применимости? А это опять-таки означает, что ее нужно соотносить с неким общим пониманием реальности. Это характерно для Кейнса - как он применял свои взгляды, исходя из реальности тех

или иных ситуаций. Более современный пример - М.Фридмен. Будучи позитивистом-радикалом в методологии и теории, он оказывается вполне прагматичным человеком, когда подходит к реальностям. Именно он предостерегал, например, россиян против прямолинейного следования рецептам экономической теории.

Мне доводилось обсуждать эти проблемы с американскими экономистами. Они отмечали, что при всех различиях кейнсианцы и монетаристы, приходя в правительство, гораздо легче находят общий язык. Даже самые последовательные монетаристы становятся немного кейнсианцами просто потому, что именно эта теория подсказывает, что реально правительство может делать.

Итак, чтобы экономическая наука, была работающим комплексом знания, она нуждается в философской, онтологической компоненте, во-первых, при формировании предпосылок теории и, во-вторых, на этапе приложения теоретических результатов к практике - как источнике целостного понимания реальности. Культивирование этой философской компоненты необходимо и в педагогическом процессе, чтобы будущий экономист-теоретик понимал рамки, в которых он теоретизирует, и - что может быть еще более важно - будущий экономист-практик мог сознательно применять экономическую теорию. Именно перед практиком острее всего встает задача *выбора теории*, т. е., в частности, оценка наличного теоретического инструментария в определенном мировоззренческом, онтологическом контексте. Умение осмыслить такой контекст, понять и целостно оценить экономические процессы - вот фундаментальная задача для экономического образования.

Приведу еще одну забавную иллюстрацию роли этого общего взгляда, общего видения экономических проблем. У меня лежит статья из одного международного журнала, где даны результаты опроса американских студентов. Причем выбирали специально ведущие университеты, известные различиями в своих теоретических пристрастиях. Студентам задавались традиционные вопросы (некоторые из них очень актуальны для нас сейчас). Ну, например, студентам Чикаго и студентам Гарварда задавался вопрос: "Считаете ли вы, что инфляция является монетарным явлением?" В Чикаго положительно на этот вопрос ответили 84%, а из студентов МПТ и Гарварда положительно ответили только 7%.

Экономическая наука в России: что происходит?

Я.И. Кузьминов.

Нам надо, по всей видимости, серьезно поговорить о вопросах специфики той ситуации, в которой оказалась Россия при ломке парадигмы экономического знания. Мне кажется, что при этой ломке парадигмы, при отходе от той теологической, или теологизированной, формы экономического знания - псевдомарксизма, которая у нас господствовала, произошли очень интересные процессы, социальная и академическая цена которых еще не проанализирована в полной мере. Под социальной ценой я понимаю внешнюю цену, т. е. цену для общества, которое потребляет услуги экономистов. Академическая - это внутренняя цена, т. е. цена для образовательного и научного сообщества.

Я хотел бы для начала охарактеризовать основные черты той системы, от которой мы отошли в процессе горбачевских, потом ельцинских реформ. Прежде всего это формальное сохранение скорлупы науки, т. е. категориального (модельного) аппарата, системы его пополнения и обновления, при отсутствии связи с действительностью, при отсутствии условий фальсифицируемости данного знания, что выявлялось в первую очередь в том, что экономическая наука была отрезана от статистических источников и от возможности социологического набора фактической базы. Экономическая наука выполняла функции идеологического обслуживания решений, которые административно принимались без нее. Она превратилась действительно в науку оформлений. Такова была социальная цена экономической науки.

Что же касается картины внутренней, то здесь как раз сохранялась и выстраивалась в определенно более логичную, похожую на западные академические сообщества схема взаимоотношений и профессиональной жизни внутри этой псевдонаучной - полунучной-полутеологической - скорлупы. То есть люди, входившие в это академическое сообщество, пытались вести себя как ученые, не будучи учеными, не являясь учеными по характеру своих отношений с действительностью.

В чем это выражалось? Во-первых, существовала определенная система научных школ, кафедр, журналов, определенная система академического взаимодействия, которая выстраивала некий "гамбургский счет". Были и критерии этого "гамбургского счета" (критерии скорее талмудистского характера, но они были). Это в первую очередь знание и использование *жесткого ядра* (hard core), т. е. Маркса, в меньшей степени -

Ленина (потому что все-таки Маркс ранжировался профессиональными экономистами на порядок выше даже тогда).

И, во-вторых, это степень собственной логической состоятельности каждого исследователя. Эта логика могла быть и категориальной, могла она быть и математизированной (как в случае школы СОФЭ). Но это была своя внутренняя логика, если судить и по степени знания источников, и по логичности собственных построений, и по общей фактической базе рассуждений, даже при отсутствии живой статистики, но при накопленной исторической базе (что очень характерно для марксизма как для течения исторцистского).

Вот такого рода система функционирования академического сообщества распалась в период реформ, поскольку она потеряла свое жесткое ядро.

О.И. Ананьин. Говоря о кризисе научного сообщества, нельзя обойти тему институциональных условий, в которых функционирует наша экономическая наука в последние годы. Кризис нашего научного сообщества в целом (не только экономического сообщества) имеет как внутренние, так и внешние причины. Они связаны с условиями финансирования науки, попытками переводить науку в какие-то новые формы и т. д. "Реформы" в науке проводились методом "зажима" практически всей науки. В результате вполне рациональная задача по преодолению прежнего разбухания штатов многих научных учреждений, в том числе экономического профиля, "решалась" таким образом, что из науки выталкивались наиболее талантливые люди. Пожинать плоды такой политики придется долго. Изменилась демографическая структура в науке - там сейчас наблюдаются целые поколенческие разрывы.

Я.И. Кузьминов. Это стимулировалось отсутствием активных действий по отношению к старым структурам, которые не реформировали, а просто лишили финансирования.

О.И. Ананьин. Причем их лишили финансирования, совершенно не учитывая специфические механизмы функционирования науки как института. Во-первых, реформирование в науке должно быть эволюционным, в науке иначе не бывает. Во-вторых, ключевым моментом должен стать стандарт требований к уровню научных знаний. Если мы сегодня говорим о том, что наука имеет разные компоненты, разные направления и парадигмы, то сразу возникает проблема - как жить науке в условиях методологического и идеологического плюрализма, и прежде всего как формировать и поддерживать научные стандарты, по необходимости внутренние для каждого из этих направлений и в то же время составляющие важнейшее условие эффективного научного общения внутри большого научного сообщества.

Я.И. Кузьминов. Как вести себя нашему научному сообществу в этой ситуации и как можно указывать, как ему вести себя? Я думаю, что надо просто попытаться рассчитать ту траекторию, по которой пойдет развитие экономической науки в России.

Н.А. Макашева.

К сожалению, не могу согласиться с оптимистическим прогнозом относительно скорого подъема отечественной экономической науки. Нет сомнения в том, что прежняя парадигма отброшена и ей на смену пришла принципиально иная. Но подобная ситуация лишь внешне напо-

минает то, что известно как научная революция по Куну, поскольку мы имеем дело со сдвигом, порожденным не процессом накопления знания в рамках старой парадигмы и преодолением ее ограниченности, осознанной сообществом, а с заимствованием давно существующей. Процесс накопления знаний предполагает соотнесение положений теории с реальностью, в том числе оценку ее дескриптивных и прогностических способностей, низкий уровень которой и побуждает научное сообщество отказаться от старой парадигмы. Смена парадигмы - это преодоление прошлого, с которым невозможно порвать сразу и, как показывает история экономической науки, окончательно. Не случайно, для общественных наук более привлекательной оказалась не простая и, если можно так сказать, механистическая схема Куна, а конструкция Лакатоша, предполагающая радикальный разрыв со старой парадигмой.

Применительно к затронутым нами проблемам важно то, что решение о смене парадигмы - полной или частичной - принимается научным сообществом. Мы же имеем дело со сдвигом, инициированным и осуществленным в определенном смысле внешними для науки факторами. Отказ от марксизма в экономической науке произошел в начале 1990-х годов не потому, что обнаружили новые факты, противоречащие положениям теории (их было предостаточно и раньше), а прежде всего потому, что изменилась политическая и идеологическая ситуация. Отсюда и интенсивный процесс заимствования, который в лучшем случае сопровождается попытками ликвидировать отставание в области теоретического знания, а в худшем и чаще всего - это простое воспроизведение. Потенциал творческого разви-

тия теории может возникнуть лишь у нового поколения экономистов, воспитанных в рамках принятой парадигмы. И здесь возникает сложная задача подготовки нового поколения людьми, научное мировоззрение которых в основном было сформировано в рамках старой традиции. Что же касается победоносного шествия основного течения по отечественному полю экономической науки, то опять-таки это произошло не потому, что оно в большей степени, чем другие существующие в западной экономической науке направления, предполагает статистическое наполнение. Чистая теория, которая изучается в курсе микроэкономики, имеет к реальным фактам такое же отношение, как и марксистская теория стоимости, т.е. весьма отдаленное. Победа досталась основному течению в результате не логики научного знания, а его истории, неотделимой от политики и идеологии. Основное течение победило на волне антимарксизма. А поскольку в идеологической борьбе нет места полутонам, нельзя было надеяться, что привлекательными окажутся более изощренные теоретические концепции, представляющие в той или иной форме альтернативу основному течению. Действительно, кто был, например, озабочен теоретическими, философскими и методологическими расхождениями между М. Фридменом и Ф. Хайеком, когда совершенно ясно, что оба критиковали социализм и выступали за свободный рынок; кому интересно, что принцип оптимизации как основа индивидуального поведения, скорее всего, несовместим с динамической теорией, учитывающей неопределенность, и т.д. Оправданием может служить лишь то, что все это остается за рамками начальных курсов экономики, освоение которых и является первостепенной и сильной задачей.

О.И. Ананьин. Я сейчас уже наблюдаю, общаясь с разными категориями слушателей, интерес к марксизму. Это - либо люди, которые вообще не знают, что это такое, хотя уже осознали, что марксизм наложил свой отпечаток на наш язык, на культуру, и определенное знакомство с этим феноменом поможет ориентации в окружающем мире. Либо люди, которые получили соответствующее образование. Для них это вопрос отношения к марксизму, возможно, переосмысления собственных знаний и убеждений.

Я.И. Кузьминов. Я бы сказал, что интерес к марксизму есть как раз такое порождение безальтернативности. На самом деле, марксизм - тупиковое течение для понимания нынешней экономической ситуации, течение, полностью лишенное инструментария. Есть же масса течений и тонкостей в течениях в основном потоке экономической мысли, имеющих некие взаимоотношения с действительностью. И на самом деле такого рода экономическая мысль полностью уходит из рассмотрения.

О.И. Ананьин. Здесь все-таки я могу сказать несколько слов в защиту марксизма, особенно современного. Даже не только современного, потому что у нас сейчас есть материал для совершенно традиционного марксистского анализа: отношения предпринимателей с трудовыми коллективами, в которых нарастают конфликты. Это чисто классовые отношения, предмет традиционного марксизма.

Но современный марксизм - более широкое явление. Он берет, между прочим, инструментарий той же неоклассики. Сегодняшние марксисты готовы работать на неоклассическом

инструментарии теории общего равновесия, теории типа нового институционализма.

Н.А. Макашева. Что же в таких случаях остается от марксизма?

О.И. Ананьин. Остаются темы.

Я.И. Кузьминов. Я думаю, что в данном случае мы спорим о словах, потому что то, что сейчас охарактеризовал О.И. Ананьин, в моем представлении марксизмом не является. Скажем так, есть интерес к ортодоксальному марксизму. Он-то в определенной степени тупиковый. Марксизм - это нормальное течение в рамках экономической мысли, порожденное определенными социально-историческими, теоретическими обстоятельствами, которое должно было исчезнуть, сняться, (говоря марксистскими же терминами), будучи исторически востребованной своей части унаследованным другими теориями. При этом часть унаследованных элементов марксизма оставалась бы в историко-экономическом обороте и через историко-экономический оборот воспринималась бы и по прошествии какого-то времени вводилась бы теоретиками заново, как происходит и с Платоном, и с Аристотелем, и с Адамом Смитом. Никто ведь не говорит об учениях Смита или Веблена как о конкурентоспособных течениях экономической мысли. Все понимают, что это исторически бывшие, состоявшиеся теории, воспринятые живой современной наукой в критически переработанном, "пережеванном" виде.

Кстати, марксизм в большей степени лег в основание современной социологии и политологии, нежели экономической науки - теории конфликта, теории интересов, теории социальных институтов и т. д. Когда я говорю о марксизме, речь,

конечно, идет о таком тотализированном или ортодоксальном марксизме. Я говорю о том марксизме, который у нас господствовал, а не об умных людях, которые знают Маркса. Все-таки это немножко разные вещи.

О.И. Ананьин. Здесь надо бы, конечно, все очень четко разграничить. Есть, действительно, вульгаризованный, официальный, официозный, если угодно, марксизм, который был тупиковым, который уже давно перестал быть наукой, хотя там тоже были свои связи с практикой.

Если брать марксизм как научное явление (официальный марксизм сюда относится лишь косвенно), то в этой сфере сложилась достаточно интересная ситуация. Сегодня в мировой экономической науке традиция Маркса как экономиста как бы раздваивается. Есть традиция классической политэкономии, которая отнюдь не умерла. В наибольшей степени она связана с именем П. Сраффы и некоторых его последователей, а также некоторых кейнсианцев типа Л. Пазинетти, которые разрабатывают чрезвычайно интересный экономический инструментарий классического анализа, причем вполне формальный и математизированный. Они опираются в равной мере на Рикардо и на Маркса. Между прочим, при этом, что тоже довольно любопытно, Пазинетти развивает трудовую теорию стоимости (в отличие от многих современных марксистов, которые от теории трудовой стоимости отказываются).

Среди современных марксистов есть и другая линия. В ее рамках широко используется неоклассический аппарат для анализа традиционной марксистской темы отношений между рабочим и капиталистом. Работник становится таким

рациональным индивидом, который торгуется с предпринимателем по поводу того, сколько усилий ему вкладывать, сколько не вкладывать, выкладываться или не выкладываться и т.д.

**Экономическая наука:
тенденции развития**

Я.И. Кузьминов. Вернемся к более общей постановке проблемы. Сама по себе картина того, что происходило или происходит на Западе, в значительной степени повторяет кризисные явления, которые наблюдались в марксистской политической экономии. Хотя степень этого кризиса не была столь глубока, но кризис тем не менее возник. Этот кризис основного течения, который наиболее ярко, как мне кажется, проявился и до сих пор проявляется в американских университетах, когда экономическая наука оказалась отделена от менеджмента и не имела никаких академических связей с менеджментом у 90-95% профессоров. Разделение по факультетам экономики, с одной стороны, и менеджмента, с другой, и отделение экономических факультетов от подготовки, даваемой школами бизнеса, - классический пример. То есть там была построена некая "башня из слоновой кости". И в этой "башне" люди начинали точно так же окукливаться и точно так же строить некую свою систему академических взаимоотношений без реальной проверки реальным миром, как это происходило и в советской экономической науке. Но поскольку наука не живет в нейтральном мире, крах постиг советскую систему, а не буржуазную. И поэтому западный университет, который тоже находился в таком окукленном состоянии, пережил, как мне представляется, некие моменты ложных исторических триумфов.

Все, что я говорю, не значит, что я с основным течением не согласен. Основное течение в настоящее время есть единственное направление экономического знания, которое является экономическим знанием фальсифицируемым, или считаемым.

Собственно говоря, сама логика экономического рассуждения требует некой проверки реальными фактами. И если мы хотим, чтобы эта проверка носила определенный уровень обобщения, а не фиксирования единичного фактора по принципу "да - нет", мы вынуждены прибегать к моделям, основанным на эконометрических методах исследования или на использовании каких-то уже обобщенных статистических данных. Это требует упрощения модели по самой простой логике. И основное течение в экономике есть то состояние экономической мысли, экономической науки, которое находится на уровне считаемости, т. е. соответствует тому уровню статистически и социологически собираемой фактологической базы, которыми общество располагает в настоящее время.

Фактически, на протяжении всего периода существования экономической науки основное течение было. Но во времена Рикардо могли использоваться данные, скажем, по внешней торговле, во времена Джона Стюарта Милля число наблюдаемых показателей выросло, во времена Альфреда Маршалла возникла уже фабричная статистика, которую экономическая наука пыталась использовать. Основное течение фактически соответствует информационным возможностям общества, информационным возможностям количественной оценки обществом самого себя.

Мне кажется, что, зафиксировав такое положение, мы можем посмотреть вперед. Что сейчас происходит в общест-

венном развитии? Уже примерно 20 лет идет бурная информационная революция. Информация становится все более и более важным ресурсом, а в целом ряде отраслей - основным ресурсом. Соответственно расширяются и возможности сбора информации, и возможности использования тех баз данных, которые пополняются в общественном институте более или менее автоматически.

Как мне представляется, такого рода тенденции продолжится. Продолжится она как минимум 30-40 лет, пока не упрутся в биологические способности человека не собирать, а качественно оценивать и отбирать информацию. И, как мне кажется, в процессе этого роста информационных ресурсов общества те ограничения, которые задает основному течению существующая в настоящее время статистическая и социологическая база, в значительной степени будут сняты.

Это означает, что модели, которые будет рассматривать и реально считать экономическое сообщество, могут быть гораздо более богаты, очевидно, на порядок более богаты, чем ныне существующие модели. Как мне представляется, это означает, что нас ожидает в самое ближайшее время (безусловно, еще при жизни здесь присутствующих), соответствующая информационной революции, революция в экономической науке, которая будет связана с усложнением моделей за счет включения факторов, которые в настоящее время отменяются экспертами как несчитаемые или как относящиеся к полю деятельности социологии, политологии, психологии, судебной статистики и других наук. Но тем не менее они обладают определенной базой, факты уже собраны. Надо просто сделать шаг и встроить их в экономические модели.

И такого рода формальная возможность перехода, формальная возможность расширения экономических моделей будет, по всей видимости, предполагать концептуальное изменение экономической модели.

Если мы возьмем макроэкономическую модель, которая считается в настоящее время, то она не только не имеет связок с социально-психологическим состоянием общества, но и лишена связи с микроэкономическим уровнем именно в силу его несчитаемости.

Как мне представляется, в дальнейшем будет происходить слияние макро- и микроэкономики и обогащение микроэкономики социологическими и психологическими методами исследования с учетом тех факторов, которые в настоящее время не учитываются. Будем говорить, что это социологические факторы, но на самом деле я бы их назвал "нейтральными".

Этот процесс уже начался. И начался он в так называемой *новой институциональной экономике*, которая пошла не по пути отрицания существующих моделей основного течения, как в старом институционализме, а по пути достраивания этих моделей за счет усложнения предпосылок. Мне кажется, это несравнимо более плодотворный путь, и это впервые дает историцистскому и нормативному подходу право на реальный учет и реальное место не как стоящего на обочине экономического знания, а как движущей силы развития этого экономического знания.

Можно рассуждать достаточно долго о том, являлся ли историцистский подход ранее в истории стимулом или просто досадной помехой. Можно привести аргументы в пользу одного и другого. За социологический подход, скажем, говорит то, что социология поглощает

историю, история есть динамическая социология просто-напросто. Но факт, что историцистский подход получил исторический шанс и что, по всей видимости, все-таки произойдет сейчас еще одна очень крупная революция в экономическом знании, на мой взгляд, это совершенно точно.

Если рассмотреть простые гипотезы, которые были введены Р. Коузом по позитивным транзакционным издержкам, или Г. Саймоном по ограниченной рациональности, по поведению, ориентированному на опорные образцы, то как раз это - классические примеры расширения базы экономического знания, учитываемых в экономических моделях предпосылок.

А.Н. Олейник.

Если рассматривать новую институциональную экономику как развитие или внесение изменений в *защитный пояс* (protective belt) неоклассики при сохранении жесткого ядра, то здесь, естественно, возникает вопрос: а насколько значительны изменения в защитном поясе, не приведут ли они рано или поздно к изменениям в собственно жестком ядре? В качестве примера возьмем ту же самую концепцию транзакционных издержек и как одно из следствий этой концепции - теорию ограниченной рациональности Г. Саймона. Как раз теория ограниченной рациональности - это уже скорее изменения в жестком ядре, а не только изменения в защитной оболочке.

Я.И. Кузьминов. Я бы сказал только, что это "ползучие" изменения. Когда "воюешь" с теорией, выстраиваясь на обочине и выставляя плакат, на котором

написано: "Требуем изменений в жестком ядре", то обычно такие изменения не интернализируются сторонниками теории, потому что ты воспринимаешься ими как их противник. Любое расширение, изменение защитного пояса сказывается на жестком ядре постепенно. И главное, что зачастую оно интернализируется академическим сообществом, его сторонниками. Это не эрозия жесткого ядра, а его некое развитие.

О.И. Ананьин. Противопоставить Коуза и Саймона можно и иначе. Если Коуз, действительно, усложняет предпосылки, то Саймон в некотором смысле их упрощает.

А.Н. Олейник. Но упрощает введением новых предпосылок.

Я.И. Кузьминов. Фактически Саймон поднял довольно сложную проблему о кардинализме, ординализме, о том, что есть равновесие на микроэкономическом уровне. В исследовании был выбор какой-то модели и следование ей. Это, разумеется, упрощение предпосылок, потому что вопрос о том, как складывается эта модель, т. е. каузальность, у Саймона уходит. Типичный взгляд психолога, я бы сказал.

В.С. Автономов. И компьютерщика.

А.Н. Олейник. Что касается сближения экономической теории и социологии, то необходимо посмотреть на этот процесс с точки зрения социологии. Здесь возникает проблема, потому что тенденция к сближению с экономикой рассматривается многими социологами как прошедший этап. Сейчас интерес социологов скорее обращен к психологии как к потенциальной области, которая может дать что-то для развития собственно социологии как науки.

В.С. Автономов. Но сейчас еще много статей в социологических журналах, написанных с позиций экономического подхода.

А.Н. Олейник. Вы говорите, наверное, об англо-саксонской традиции в социологии. Я же говорю о европейской, и в этом смысле не будет ли такое сближение расцениваться как одновременное удаление?

Еще одно замечание касается новых тенденций в области экономического моделирования. Мне бы хотелось напомнить о моделях, которые возникают в области экспериментальной экономики и которые являются совершенно оригинальными с точки зрения используемого в них источника информации. Экспериментальная экономика - это не поиск во внешнем мире каких-то новых источников информации, это попытка проиграть ту ситуацию, которая предлагается теорией. При этом снимается проблема дорогостоящих источников информации. С этой точки зрения, это семейство механизмов для проверки базовых гипотез, на мой взгляд, наиболее перспективно, особенно с учетом той самой неинституциональной экономики и ее предрасположенности к использованию теории игр. Теория игр занимается не столько сбором статистической информации, сколько многократным прокручиванием различных стратегий и их соотношений.

Я.И. Кузьминов. Логически допустимых ситуаций.

О.И. Ананьин. В той мере, в какой экономика в неоклассическом плане - поведенческая наука, это, конечно, "идет". Но я думаю, что тут есть еще одна сторона дела, связанная с тем, что говорил Я.И. Кузьминов о перспективе

развития экономической науки в меняющемся обществе. Мне кажется, что в этом случае проблема будет не просто в том, что у нас расширяются возможности обработки информации, а в том, что для осмысления новых проблем нужны будут новые онтологии. Вот, что будет главным. То есть нужны будут подвижки и прорывы в области философии экономики.

Стоит обратить внимание еще на одну структурную характеристику современного экономического знания. В современной экономической науке есть основное течение - это прежде всего неоклассика, и есть множество альтернативных течений и теорий, которые гораздо менее развиты в инструментальном отношении. Подобная оценка ситуации справедлива, но не полна. Важно подчеркнуть, что альтернативные течения отличаются от неоклассики не только меньшей развитостью аппарата, что безусловно, но и своими предметными областями. Они покрывают ту часть экономической реальности, которая осталась не охваченной неоклассической теорией. Основное течение имеет дело с очень узким кругом экономических проблем. Я согласен с тем, что говорил Я.И. Кузьминов по поводу нового институционализма, который дает пример того, как неоклассика расширяет свою предметную область. Но качественно это ситуацию не меняет. Я бы предложил такую метафору для характеристики ситуации в экономической науке. Современная неоклассика - это такой небоскреб, выросший среди полудеревенской застройки. Теперь вокруг него создается "подлесок" из трех-, пяти-, десятиэтажных зданий. Но все это происходит лишь вокруг небоскреба или вблизи него. Огромное пространство хозяйственной жизни и эко-

номической реальности не покрывается не только основным течением, но и теми его ответвлениями, которые возникли за последние 20-30 лет. Эти малообжитые "пространства" заняты постройками, которые связаны отчасти с институционализмом, отчасти даже с "австрийской" традицией, отчасти (хотя это более сложный вопрос) - с марксизмом.

Вообще, надо сказать, тема марксизма в отечественной экономической науке заслуживает особого разговора. Здесь я хотел бы лишь отметить, что марксизм - это пограничный случай между неоклассикой и другими альтернативными течениями. Я не вполне согласен с характеристикой марксизма как историчистской теории. Марксизм попытался соединить рационалистическое и историческое начала. Он попытался принять вызов немецкой исторической школы и внести историческое начало в классическую парадигму.

Я.И. Кузьминов. Он пытался встряхнуть историю в логицистскую концепцию.

Н. А. Макашева. Это теория вполне статическая, традиционная, равновесная.

О.И. Ананьин. Там очень много равновесного, плюс попытки выйти за эти рамки, правда, гораздо менее строгие, чем базовая теория.

Я.И. Кузьминов. Я бы сказал, что марксизму не удалось качественно измениться за счет внесения динамического элемента.

Н.А. Макашева. Проблема динамизации, или построения динамической экономической теории, в каком-то смысле неразрешима, как неразрешима проблема соотношения теоретического (условного, модельного) и реального

времени. Суть проблемы состоит в том, что реальное время необратимо, а это исключает эксперимент как исходный момент и проверку теории, а кроме того, реальное время неотделимо от неопределенности. Очевидно, что теории, в которых динамика задается предположением о некотором темпе роста численности населения или капитала, не могут объяснить появление принципиально нового. Самое большее, на что они способны, - это указать, откуда можно ожидать появления нового.

О.И. Ананьин. Были даже специальные попытки осмыслить эту проблему. Так, в 1941 г. была опубликована статья о невозможности теории экономической динамики. Сравнительно недавно Нобелевский лауреат Р. Лукас писал, что допущение неопределенности делает экономическую теорию невозможной.

Отношение к таким попыткам может быть разным, но важно избежать одной опасности. Если мы заранее принимаем экономическую теорию как статичную, тогда мы действительно обрекаем себя на невозможность выйти за эти рамки. Наверное, есть другой путь - просто не так жестко определять экономическую теорию. Здесь я возвращаюсь к своей главной теме о признании роли философской компоненты в рамках экономического знания. Вот она и должна вобрать в себя и динамические моменты и взаимосвязь с пограничными областями знания. Но в этом случае возникнет очень большая проблема: как развивать и как работать с этой философской компонентой экономического знания? В рамках экономической науки нам придется больше внимания уделять философии, методам философского анализа.

Здесь мы опять-таки подходим к нашим традициям. В отечественной экономико-научной традиции философская компонента никогда столь радикально, как на Западе, не вытеснялась. Это, с одной стороны, хорошо. Но, с другой стороны, сама эта философская компонента в нашем знании пребывает в крайне запущенном состоянии. Как и во многих других сферах, здесь у нас нет никаких стандартов. Если сейчас просто сказать: "Давайте будем философствовать на экономические темы", то начнется совершенный кошмар! Расцветет жанр пустых словопрений обо всем и ни о чем. Хотя речь идет об области отнюдь не более простой, чем область собственно теоретическая.

Теория, практика и образование

Н.А. Макашева. Отдельным и важным для нас представляется вопрос о практической применимости обретенных теорий. В общей постановке проблема применимости теории на практике существует везде и всегда. Более того, как показывает опыт, часто в практических действиях остается немного от теории, а порой эти действия ей противоречат. Бывает, что "работает" скорее не теория, а идеология. Например, экономическая политика Рейгана в конечном счете привела к росту государственных расходов и бюджетного дефицита, хотя общая идеологема была "за частную инициативу, против засилья государства".

Другой аспект проблемы состоит в том, что адекватное практическое применение теории предполагает прежде всего осознание ее ограниченности. Последнее возможно, лишь когда теорию применяют люди, так или иначе приоб-

щенные к ее созданию. Ревностные адепты способны погубить репутацию любой теории. Примером является история взлета и падения кейнсианских методов регулирования. Кейнс - человек с большим воображением и чувством юмора - никогда бы не стал абсолютизировать свою теорию и, полагаю, заметил бы тот момент, когда изменение реальной ситуации потребовало значительной коррекции, а возможно, и отказа от идей, выдвинутых в начале 1930-х годов. Адепты же не могут критически относиться к объекту своего поклонения.

У нас дело обстоит еще хуже, поскольку западную теорию применяют, лучше сказать, пытаются применять, люди, лишь недавно с ней познакомившиеся и возлагающие на нее чрезмерные надежды. Очевидно, что ни о каком критическом отношении здесь речь идти не может. Но ситуация не столь печальна, так как реально политики руководствуются не столько теорией, сколько здравым смыслом, выражают интересы определенных групп, действуют, исходя из политических соображений, и т. д.

Возвращаясь к учебному процессу и отчасти к состоянию науки, хочу добавить следующее. Сегодня не очень понятно, какие организации могут стать в будущем "производителями" квалифицированных научных кадров. Вряд ли эту роль будут играть старые академические институты; не пришло время превращения небольших и практических ориентированных аналитических подразделений коммерческих структур, прежде всего банков, в серьезные научные центры, как это можно наблюдать в развитых странах. К сожалению, научная работа в рамках учебных заведений находится в состоянии, близком к упадку.

Преподаватели высшей школы сегодня вынуждены одновременно и учить, и учиться. Причем в силу специфики ситуации собственному образованию должно было бы уделяться больше времени и сил, чем обучению других, даже по сравнению с тем, что было раньше. Однако реально этому противостоит, как писал русский философ по другому поводу, "нечто простое и роковое" - грубая правда жизни. Стратегия "обучать, обучаясь" лишь в ограниченной степени решает проблему воспитания нового поколения экономистов. Собственно научная работа отходит даже не на второй, а на четвертый план, а именно она формирует фундамент будущего и качество новых экономистов.

В.С. Автономов. Остается только учиться, обучая.

Я.И. Кузьминов. Учение, обучая, имеет свои границы. Во-первых, приобретаешь ученическое знание, а не знание, которое приобретает исследователь. Я рискну сказать, что 90-95% всего знания современной экономической теории, достигнутого в России в настоящий момент, есть знание ученическое.

Есть прогресс ученического знания, но оно ученическое. Это знание учебников и рекомендованных статей, а не знание, приобретенное в процессе решения определенной задачи. Другой стороной является знание, получаемое людьми, работающими в правительстве или в крупных банках, которые пытаются анализировать практические проблемы. И по исходным знаниям, и по аппарату эти тенденции на сегодняшний день не сходятся. Я не думаю, что в этом есть что-то трагическое. По моему мнению, это будет преодолено постепенно, в течение

достаточно короткого срока, может быть, лет пяти, когда подготовленные магистры, например, придут на эти должности. У них уже есть инструментарий и они будут применять его на практике.

О.И. Ананьин. Похоже, что сегодня дело не столько в инструментарии, сколько в его отсутствии применительно к тем задачам, с которыми приходится сталкиваться в нашей нестандартной экономике. Если экономика за пять лет у нас станет стандартной, рыночной, вот тогда будет сближение. Чтобы такое сближение ускорить, стандартных курсов недостаточно.

В.С. Автономов. Не следует забывать, что связь между экономической теорией и политикой носит весьма косвенный характер. Об этом говорит, в частности, опыт Совета экономических консультантов США. Не так просто оценить, что же именно от экономической теории вошло в рекомендации Совета экономических консультантов.

Что же касается теории, то я бы вернулся к своей любимой метафоре: структура экономической теории сильно похожа на некую матрицу, у которой по строкам, например, исследовательские подходы, а по столбцам - темы. В этой матрице есть и нули.

О.И. Ананьин. Наша задача, по большому счету, и состоит в том, чтобы и экономисты-теоретики, и экономисты-практики, и преподаватели поняли, что есть такая матрица, или, иными словами, структура экономического знания. Чтобы студент, выходя из вуза, знал, что Макконнелл и Брю или Дорнбуш, оторых он прочитал и изучил, - это не вся наука. Известный западный экономист Аксель Лейонхуфвуд однажды

заметил, что формализация экономической теории, концентрируя внимание на вопросах технических, в то же время оставляет более общие вопросы вне обсуждения как "несущественные". В результате, по его оценке, "дискутируя о моделях, мы знаем, *что* говорит наш коллега (what he is saying), но теряем из виду, *о чем* он говорит (what he is talking about)".

Я.И. Кузьминов. Как раз в этом и состоит важность историко-экономической составляющей образования сейчас. Я бы рискнул сказать, что она не меньше, чем в советское время, когда это была единственная отдушина и единственная

опора альтернативного рассуждения, альтернативного видения экономических процессов. На самом деле, в настоящее время ситуация практически не изменилась, потому что место марксизма в университетах заняла (я боюсь сказать вульгарная, о вульгарности еще рано говорить) западная вводная экономическая дисциплина. Какое место должны занимать историко-экономические предметы в экономическом образовании? Какой набор дисциплин оптимален для разных уровней и форм обучения? Эти вопросы заслуживают специального обсуждения, и мы вернемся к ним в следующих выпусках "Истоков".